

«Человеческого искусства сейчас крайне мало»

ТЮЗ открыл новый, 92-й сезон. Корреспондент «Вечёрки» Алексей БЛАХНОВ встретился с художником театра Адольфом Шапиро и режиссером театра и кино Дмитрием Астраханом, премьерный показ спектакля которого «Доходное место» состоялся в первый день нового сезона, чтобы поговорить о юном зрителе, театре и их судьбах в современном мире.

— Сегодня многим детям подчас интереснее играть на своем айпаде или сидеть за компьютером, нежели идти в театр. Как сделать так, чтобы дети театр почувствовали, полюбили его?

Дмитрий АСТРАХАН:

— Театр должен быть живой: страсти должны быть подлинными, конфликт — ярким, понятным, яростным. Если артисты играют живо, страстно, эмоционально, то дети спектакль будут смотреть. Часто впечатление ребенку от театра вообще может испортить один-единственный неудачный спектакль, где ему было скучно. Я помню такой случай. В Минске шла антреприза «Все проходит», Саша Абдулов играл главную роль. Они играли его в ДК им. Горького по четыре раза в месяц при двух с половиной тысячах народа в зале, на него люди шли по пять раз, а то и по десять, платя за это большие деньги. И пусть это и была вроде бы антреприза, но играли они его столь пронзительно, что просто никто не мог остаться равнодушным. И я помню, как в Минске у меня ребята из съемочной группы на него отпросились, в том числе и вторые режиссеры. «Мы так потрясены! — наперебой говорили они. — Мы таких эмоций в театре просто не испытывали!» А людьми были они не особо-то театральными, в лучшем случае кто-нибудь из них спектаклей пятнадцать за всю жизнь видел. Так что главное — спектакль хороший найти.

Адольф ШАПИРО:

— Я думаю, все гораздо сложнее. И сложности эти возникают из-за несовершенства государственной системы просвещения, эстетического воспитания, а не из-за неудачного спектакля. Для того чтобы сделать серьезное искусство не элитарным, должна быть разработана огромная, сложнейшая государственная программа. В прошлом году на протяжении двух с половиной месяцев я ставил спектакли в Шанхае. Оказывается, в Китае в обычной общеобразовательной школе ведется обязательное обучение каждого школьника игре на музыкальном инструменте. Подчеркну: это не в частной школе какой-то делается, а в государственной! Каждый ученик должен выбрать себе инструмент и, выходя из средней школы, обязан им владеть. Это их государственная политика! В результате у них триста миллионов пианистов, которые побеждают на всех мировых конкурсах. Раньше в нашей стране эта программа работала частично через дворцы пионеров, через дома культуры, где были секции и куда шли все. Сейчас эта система разрушена, и вместо нее пока ничего не предложено. Я с радостью приму участие в этом обсуждении, но, увы, этот вопрос не касается театра. Это вопрос субсидирования: сколько государство готово потратить на то, чтобы воспитать гармонично развитых граждан? В Англии, например, при помощи театра происходит изучение истории на пьесах Шекспира: дети в пятом-шестом классе разыгрывают сцены из его произведений, изучая таким образом театр с малолетства в качестве способа познания истории, литературы, жизни, то есть мира. Но это особый подход, который требует сложной программы.

— Как вы относитесь к так называемому новому театру, или, как его еще любят называть, актуальному? К тому самому, где полно технологий и так далее...

Адольф ШАПИРО:

— В театре нет общих правил. Есть такой канадский режиссер Роберт Лепаж, театр которого — сплошное техническое чудо. Но у него чуть ли не собственное конструкторское бюро, чуть ли не целая фабрика, которая разрабатывает все эти спецэффекты и механизмы. Он все это использует замечательно, тонко, убеждая зрителя, что в этих технологиях есть душа. Он сам невероятный актер, он играл в спектакле «Обратная сторона Луны», в котором были использованы просто сумасшедшие технические решения. Другой же режиссер обойдется ковриком на сцене и без всякой техники найдет контакт с публикой. Все это вопрос вкуса, умения, смысла, заложенного в постановку. Другое дело, когда техника используется в угоду моде, с целью привлечь зрителя.

Дмитрий АСТРАХАН:

— Да, раньше театр имел определенную направленность: это был классический реалистический театр, при всем том, что в постановках могли присутствовать интересные авангардные решения. Но рассказывал он людям про человека, всегда была мысль, всегда была эмоция. Существовала традиция драматического театра. В чем

Дмитрий АСТРАХАН:

— Я считаю, что было старое, великое театральное искусство. Был великий театальный город — Ленинград. Я буду только рад, если он сейчас также будет вызывать интерес у всех, и люди со всей страны будут стремиться приехать сюда посмотреть спектакли. Тогда была планка, тогда был уровень: вы могли ткнуть пальцем в любую афишу и попасть на удивительный, невероятный спектакль.

Адольф Шапиро.

Дмитрий Астрахан.

его прелесть? В нем главенствуют артисты, режиссер через них выражает свою мысль. Сейчас же, в нашу технократическую пору, артисты уже почти не нужны: режиссер сам по себе что-то формирует. В этом случае все очень странно: и музыка вроде вовремя включена, и прожекторы красиво светят, но что-то все равно не то. Театр, где артист не очень значим, мне неинтересен. Если артиста может заменить передвигающаяся декорация, то мне это не близко. Нас учили, что артист в театре — центральное лицо, и я считаю, что это правильно.

— Как чувствует себя театр в условиях капитализма?

Адольф ШАПИРО:

— Театр чувствует себя растерянно. Дело в том, что художественный театр не может давать доход, он всегда субсидируется, коммерческий же театр может быть самоокупаемым, это же бизнес. Да, он имеет право на существование. Так или иначе, наша жизнь уже давно напоминает один большой супермаркет: каждый выбирает себе продукт по вкусу и карману. Тиражи Донцовы будут всегда больше тиражей Достоевского, но стоит помнить, что это ширпотреб, который никогда не заменит искусства.

Дмитрий АСТРАХАН:

— Сейчас, наверное, уже нет капитализма. Есть монополизм. Олигархический! С которым наше руководство пытается бороться, наконец-то поняв, что пора уже и свою культуру как-то развивать, кино например. Главная проблема развития — монополия в экономике. С театром история такая же: он является монополией, потому и загнивает. Ему просто тяжело, он не понимает, что от него хотят. Человеческого искусства сейчас крайне мало, искусства для людей, куда придешь — и сразу поймешь, что происходит, где простой человек может сопереживать, сочувствовать. Думаю, что многие люди, приходящие в тот или иной театр, просто не находят эмоционального отклика.

фото Инггерпресс